

**«БОЛЬШАЯ ИГРА» В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ:
ТУЛЬСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ ДЕВЛЕТ-ГИРЕЯ I ЛЕТОМ 1552 г.
И НАЧАЛО «ВОЙНЫ ДВУХ ЦАРЕЙ»**

В.В. Пенской¹, Т.М. Пенская²

^{1, 2} Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
Белгород, Российская Федерация
¹ penskoy@bsu.edu.ru
² penskaya@bsu.edu.ru

Цель: анализ геополитической ситуации, которая сложилась в Восточной Европе к середине XVI в., выявление и исследование причин, обусловивших эскалацию напряженности в русско-татарских (Крым, Казань, Ногайская Орда) отношениях и последующий переход от «холодной» войны к войне «горячей» между Русским государством и Крымским ханством.

Материалы исследования: комплекс документальных и нарративных исторических источников русского, литовского и турецкого происхождения, а также материалы исторических и источниковедческих исследований.

Результаты и научная новизна: история русско-крымских отношений, насчитывавшая не одно столетие, далеко не всегда была историей конфликта. На первых порах общность политических интересов обусловила сближение Москвы и Бахчисарая и формирование русско-крымского союза, который острием своим был направлен против Большой Орды и Великого княжества Литовского. Однако в начале XVI в. этот ситуативный, не имевший под собой прочной основы, союз распался и в отношениях между Россией и Крымом наметилась трещина, которая начала стремительно разрастаться. Причиной охлаждения отношений между двумя партнерами, как показывает анализ источников, стало несоответствие коренных политических и геополитических интересов Москвы и Бахчисарая. Крым не устраивало усиление России за счет Литвы, тогда как в русской столице с беспокойством наблюдали за попытками крымских Гиреев подчинить себе татарские юрты, возникшие на руинах Золотой Орды. В 40-х гг. XVI в. отношения между бывшими партнерами начали стремительно ухудшаться. С одной стороны, это было вызвано активизацией крымской имперской политики, которая стала возможной после прекращения долгой внутренней усобицы в Крыму. С другой стороны, возросшая активность Бахчисарая в Поволжье, переход Казани в сферу крымского влияния и взятие Астрахани привели к власти в Москве «партию войны», сделавшую ставку на военное решение накопившихся противоречий между Москвой и татарскими юртами. Столкновение интересов двух игроков в завязавшейся в Восточной Европе «Большой игре» привело к началу «Войны двух царей» – растянувшегося на четверть века русско-крымскому противостоянию, результатом которого стало радикальное изменение геополитического положения в регионе. Первые залпы в этой войне прозвучали в июне 1552 г. под окраинным форпостом России в Поле – городом Тула, куда со своим войском прибыл хан Девлет-Гирей, пытаясь оказать помощь Казани.

Ключевые слова: Восточная Европа, раннее Новое время, Русское государство, Крымское ханство, Казанское ханство, Ногайская Орда, Иван IV, Девлет-Гирей I, русско-татарские войны

Для цитирования: Пенской В.В., Пенская Т.М. «Большая игра» в Восточной Европе: тульская экспедиция Девлет-Гирея I летом 1552 г. и начало «Войны двух царей» // Золотоордынское обозрение. 2019. Т. 7, № 3. С. 524–544. DOI: 10.22378/2313-6197.2019-7-3.524-544

**THE “GREAT GAME” IN EASTERN EUROPE:
THE TULA CAMPAIGN OF DEVLET-GIRAY I IN SUMMER 1552
AND THE BEGINNING OF THE “WAR OF THE TWO TSARS”**

V.V. Penskoj¹, T.M. Penskaya²

^{1, 2} *Belgorod State National Research University
Belgorod, Russian Federation*

¹ *penskoy@bsu.edu.ru*

² *penskaya@bsu.edu.ru*

Abstract: *Research objectives:* To study of the causes of the aggravation of Russian-Crimean relations in the middle of the sixteenth century and the beginning of the full-scale Russian-Crimean war of 1552–1577 (“The War of the Two Tsars”) in the context of international relations in Eastern Europe in the 1540–50s.

Research materials: A large collection of documentary and narrative sources of Russian, Lithuanian and Turkish origin (chronicles, *razryad* and ambassadorial books, act materials).

Results and novelty of the research: In June 1552, Crimean Khan Devlet-Giray I tried to capture the Russian border town of Tula. This campaign was the beginning of the 25-year undeclared Russian-Crimean War – the period of the most acute, “hot” confrontation between the Russian state and the Crimean Khanate. The war was the result of the accumulation of a critical mass of disagreements between Russia and the Crimea in the previous decades. Crimea was not enthusiastic about the strengthening of Moscow at the expense of the Grand Duchy of Lithuania, Moscow was against attempts to reestablish the Golden Horde under the control of the Crimean ruling dynasty. The impossibility of reconciling the fundamentally conflicting political interests of the two states led to a transition from an alliance at the beginning of the sixteenth century to open conflict in the middle of the century. The immediate reasons for the transition from the cold war to the hot war were the attempts of Crimea to establish its control over Kazan and Astrakhan and, subsequently, over the Nogai Horde. These actions met opposition from Moscow which began a war with Kazan in order to restore its influence there. The desire to support Kazan led to the campaign of Devlet Giray against Tula in the summer of 1552.

Keywords: Eastern Europe, Early Modern Times, Russian State, Crimean Khanate, Kazan Khanate, Nogai Horde, Ivan IV, Devlet-Giray I, Russian-Tatar wars

For citation: Penskoj V.V., Penskaya T.M. The “Great Game” in Eastern Europe: The Tula Campaign of Devlet-Giray I in Summer 1552 and the Beginning of the “War of the Two Tsars”. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2019, vol. 7, no. 3, pp. 524–544. DOI: 10.22378/2313-6197.2019-7-3.524-544

В июне 1552 г. под стенами Тульского кремля, возведенного к 1520 г., произошли события, которые имели весьма важное для последующей истории Восточной Европы значение. Грохот артиллерийской пальбы возвестил о начале «Войны двух царей» – русского Ивана IV и крымского Девлет-Гирея I, – конфликта, который растянулся на долгих двадцать пять лет и, по большому счету, коренным образом изменил политическую ситуацию в Восточной Европе.

В самом деле, эта необъявленная война (позднее крымский хан писал в Москву, что де «яз с тобою, братом своим, временем бранилися, а временем и мирились», предлагая смотреть на происходящие события как на нечто обыденное и вполне заурядное) оттянула на себя колоссальные ресурсы Русского государства. Знаменитая фраза из «Записок о Московии» С. Герберштейна, та самая, в которой говорилось о том, что московский государь «ежегодно по обычаю ставит караулы [в местностях около Танаиса и Оки] числом в двадцать тысяч для обуздания набегов и грабежей со стороны перекопских татар» [6, с. 241], в большей степени отражала реалии эпохи именно «Войны двух царей», нежели времен Василия III.

Действительно, в 3-й четверти XVI в. военное давление на Русское государство со стороны Крымского ханства достигло своего максимума. Характеризуя интенсивность татарских набегов на государеву Украину, А.В. Виноградов отмечал, что «сам хан возглавлял семь походов на Русское государство (1552, 1555, 1562, 1564, 1565, 1571, 1572 гг.) и участвовал в совместной с турками астраханской экспедиции 1569 г. Готовившиеся ханом крупные походы в 1556 и 1559 гг. не состоялись ... Пять нападений было совершено крымскими царевичами – сыновьями хана (1558, 1563, 1568, 1570, 1573 гг.), причем все они, кроме 1568 г., возглавлялись калгой (наследником хана – *В.П., Т.П.*) Мухаммед-Гиреем и осуществлялись либо с прямой санкции отца, либо при его явном одобрении» [4, с. 64]. И это были не смелые рейды немногих татарских удальцов за добычей на русское пограничье, а серьезные военные экспедиции, которые в случае успеха могли принести колоссальный урон (и в Москве, и в Крыму помнили о «крымском смерче» 1521 г., когда хан Мухаммед-Гирей I разбил русские полки под Коломной и опустошил русские уезды между Москвой и Рязанью).

Естественно, что в этих условиях внимание Москвы все больше и больше переключалось с западного направления на южное. Необходимость противостоять мощному давлению со стороны Крыма обусловила в конечном итоге неудачу России в войне за Ливонское наследство (Москве не хватило сил, чтобы закрепить за собой надолго результаты завоеваний в 1558–1563 гг.) и прекращение на длительное время русской экспансии на западном, «литовском» направлении. Однако взамен Россия существенно прирастила свои территории на юге, продвинувшись далеко на юг в Поле и отодвинув свои рубежи от критического в стратегическом отношении «Берега» на сотни верст.

Однако, пожалуй, самое главное заключалось даже не в этом. Итоги четвертьвекового противостояния Москвы и Крыма, в котором Иван Грозный сумел одержать верх по очкам над своим «братом», имели колоссальное гео-

политическое значение. Достигнув в самом начале 70-х гг. XVI в. апогея своей военной и политической мощи, Крым не сумел удержать занятые позиции. Имперский груз оказался слишком тяжел для него, и в попытке воссоздать Золотую Орду под своей эгидой он надорвался. На подмосковных холмах летом 1572 г. начался закат Крыма, не сумевшего установить контроль над осколками Золотой Орды, как «третьей силы» в борьбе за доминирование в Восточной Европе, и, соответственно, навсегда изменилась и расстановка сил в этом политическом театре.

Казалось бы, при таких раскладах историки не должны были обойти вниманием события 50-х – 70-х гг. XVI в., уделив им особое внимание, а заодно не оставив в стороне и самое начало этой войны – тульскую кампанию 1552 г., в ходе которой состоялась первая проба сил двух главных участников этого конфликта. Увы, этого сказать нельзя. И если дипломатическая история противостояния Ивана Грозного и Девлет-Гирея еще и более или менее изучена [см., например: 5], то о военной составляющей этого сказать никак нельзя. Если не считать небольшой статьи И.Б. Пинка и нескольких страниц, отведенных В.П. Загоровским под рассказ об этом эпизоде русско-крымского противостояния в своем труде об истории освоения центрального Черноземья русскими [см.: 8, с. 110–113; 21, с. 89–84. См. также: 20, с. 16–24], то, по большому счету, это и все. События внутривосточной борьбы в России, война в Ливонии и, в особенности, опричнина – все это затмило собой «Войну двух царей» и, тем более, события под Тулой в июне 1552 г. Следовательно, при таких раскладах есть смысл вернуться к этому вопросу и рассмотреть его заново, благо в нашем распоряжении есть необходимый минимум (хотя и несколько односторонний: в подавляющем большинстве – это взгляд с русской стороны) источников – как документальных, так и нарративных. Среди них в особенности выделяются русские летописи, такие, как Никоновская и Летописец начала царства (при их составлении книжники, судя по всему, активно использовали материалы царского архива и текущую документацию Разрядного приказа, в т.ч. и переписку с воеводами) [см., например: 10; 13; 14; 16], официальные и частные разрядные книги (которые, хотя и являлись в первую очередь местническими «справочниками» [см., например: 3, с. 73–74, 81–82], однако же, содержат в себе ценную информацию о структуре и составе царских ратей) [см.: 24; 25; 26], а также переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским и памфлет Курбского о царе Иване [см.: 12; 22].

В целом, до наших дней дошло достаточно источников (во всяком случае, больше, чем по отдельным другим эпизодам русской истории того времени – например, касательно учреждения опричнины), чтобы попробовать еще раз реконструировать события лета 1552 г. И начать стоит с их предыстории, которая корнями своими уходила во времена фактических создателей Русского и Крымского государств, Ивана III и Менгли-Гирея I. Два государя вступили в конце XV в. в ситуативный союз по принципу «Против кого дружить» и «Враг моего врага – мой друг». Русско-крымской коалиции противостоял другой союз – литовско-большеордынский, и совместное противостояние Великому княжеству Литовскому и Большой Орде предопределило сближение Москвы и Бахчисарая. Однако после того, как в начале XVI в.

Большая Орда распалась, а Великое Литовское княжество продемонстрировало под ударами Москвы, что его лучшая пора осталась в прошлом, необходимость в русско-крымском союзе отпала. Со смертью Ивана III Менгли-Гирей, а затем его наследник Мухаммед-Гирей I, начали дрейф от Москвы в сторону Литвы, пока, наконец, не сформировалась ось Бахчисарай–Вильно. И если в литовской столице рассматривали этот союз как средство противодействия экспансионистским планам Москвы на западном направлении, то для Крыма он был важен прежде всего как инструмент ослабления бывшего союзника. В Бахчисарае не могли не понимать, что политика крымских Гиреев, нацеленная на восстановление Золотой Орды под их эгидой не только не найдет понимания в русской столице, но, больше того, встретит скрытое или явное противодействие. Учитывая же особенности функционирования крымской государственности и традиционного кочевнического этоса (да еще и густо замешанного на религиозном противостоянии), составлявшего основу менталитета крымской элиты, то долго ждать перехода от войны холодной к войне горячей не приходилось.

Этот процесс занял 5 лет – с 1507 г., когда Менгли-Гирей пожаловал с царского плеча Сигизмунду I ярлык на княжение (а в ярлыке в том, среди прочих градов и весей с «люди, тмы, города и села, и дани и выходы, и з землями и з водами и с потоками», коими должен был обладать по царскому слову литовский князь, числилась и Тула с уездом [см., например: 15, с. 90]), по 1512 г., когда крымцы предприняли первую серьезную попытку прощупать на прочность южные рубежи Русского государства [см., например: 14, с. 15].

Серия набегов 1512 г. и большой (и неудачный) поход, предпринятый крымскими мурзами в 1517 г. [см., например: 14, с. 26], подтвердили своевременность мер, предпринимаемых Москвой с 1509–1511 гг., по укреплению южных рубежей. Они включали в себя не только постепенное выстраивание системы развертывания полков по «берегу» в местах, где была возможна переправа татарской конницы на северный берег Оки, но и создание системы крепостей-опорных пунктов, выдвинутых за Оку, в Поле. Одной из таких крепостей и стала Тула – сперва деревянная (с 1509 г.), а затем и каменная (возведение каменного тульского кремля было завершено в 1520 г. [см., например: 9, с. 157, 181]).

Мощный тульский кремль с многочисленной артиллерией и сильным гарнизоном внушил татарам должное почтение и уважением. Лишь дважды, в 1517 и 1533 гг., в окрестностях крепости объявлялись крупные татарские отряды [см., например: 14, с. 26; 25, с. 78]. Ни в 1521 г., когда в поход на Москву отправился сын и преемник Менгли-Гирея Мухаммед-Гирей I, ни в 1533 г., когда на «крымскую украину» выступили два царевича, Ислам-Гирей и Сафа-Гирей, ни в 1541 г., когда на Русь в «силе тяжце» двинулся сам «Великие орды великий царь силы находец и победитель» Сахиб-Гирей I – никто из них не рискнул пройти мимо Тулы на своем пути на север, к Оке. Однако к началу 50-х гг. XVI в. ситуация изменилась.

Изменилась она благодаря усилиям с двух сторон сразу. Крымский «царь» Сахиб-Гирей I, энергичный, целеустремленный и талантливый поли-

тик и военачальник, одолев своего племянника Ислам-Гирея и положив тем самым конец долгой крымской «замятне», наступившей после того, как в Астрахани ногаями был убит в 1523 г. его брат Мухаммед-Гирей, вернулся к идее воссоздания татарской «империи». Не без его поддержки на казанский престол взошел (и удержался на нем на несколько лет) его племянник Сафа-Гирей, никогда особо не скрывавший своей неприязни к Русскому государству. За Казанью, оказавшейся, таким образом, в сфере влияния Крыма, настал черед Астрахани. В 1546 г. в результате большой военной экспедиции Сахиб-Гирей взял город и разорил его, о чем с удовлетворением писал Ивану IV в декабре следующего, 1547 г. [см.: 14, с. 108–109; 32, р. 460].

Естественно, что эти действия Сахиб-Гирея (который к тому же сам в 1541 г. явился на «берег» во главе многочисленного войска) не могли не встретить в Москве враждебного отношения. Угроза со стороны воинственного крымского «царя» содействовала сближению Русского государства и Ногайской Орды, правящая верхушка которой чрезвычайно болезненно восприняла рейд Сахиб-Гирея на Астрахань и его попытки забрать Казань под свое крыло.

Москва не ограничилась попытками установить более близкие и, в перспективе, союзнические отношения с ногаями. Дворцовый переворот в Казани и приход к власти там Сафа-Гирея по вполне понятным причинам не мог вызвать одобрения в русской столице и там чуть ли сразу после перемены на казанском престоле решили восстановить status quo. Вмешательство Сахиб-Гирея вынудило Москву на время отказаться от планов казанского похода, а потом борьба за власть и дворцовые неурядицы и вовсе вынудили отложить эту идею, казалось, в долгий ящик.

Однако очередная перемена во власти в Москве, поражение «партии» Бельских и приход к власти «партии» Шуйских, изменила не только расстановку политических сил при дворе юного Ивана IV, но и, судя по всему, способствовала к активизации русской политики на казанском направлении. Складывается впечатление, что генеральный внешнеполитический курс по отношению к Казани с середины 40-х гг. XVI в. стала определять «партия войны», одним из предводителей (и, во всяком случае, идейным и духовным вдохновителем) ее был митрополит Макарий. Идеолог бескомпромиссной борьбы с агарянами-татарами и казанцами в первую очередь, он настаивал на своего рода «крестовом» походе против басурман, благо они регулярно доставляли поводы для неудовольствия и желания ответить ударом на удар в отместку за постоянные набеги [о роли Макария и его единомышленников в начале войны с Казанью см., например: 28, с. 327–346; 31, с. 212–224]. Любопытно сравнить гневные филиппики Макария с пассажами из «Казанского летописца», живописующими воистину апокалиптические картины вторжений казанцев – по мнению составителя повести последствия их набегов хуже, чем результаты нашествия Батыя [10, стб. 44, 46–47]. И вот в 1545 г. юный государь послал на Казань «в судех полою водою воевод князя Семена Ивановича Микулинского с товарищи из Нижнева Новагорода», а с Вятки на Казань же «полою же водою» с вятчанами воевода князь Василий Серебря-

ный-Оболенский со товарищи [25, с. 109]. Очередная русско-казанская война, ставшая роковой для татарского юрта, началась.

А теперь несколько примечательных фактов. Вскоре после того, как Москва начала очередную казанскую войну, в русской столице объявляется саксонский авантюрист Г. Шлитте с отличными рекомендациями от прусского герцога Альбрехта. После переговоров с московскими дипломатами он отъезжает в Вену с посланием Ивана IV, в котором содержалось предложение императору Карлу V заключить антиосманский союз (напрашивается предположение, что в Москве принимали во внимание возможное вмешательство Турции в борьбу с Казанью и Крымом и считали необходимым попробовать заручиться поддержкой Священной Римской империи на этот случай). В следующем, 1547 г., Стамбул пролонгирует мирный договор с Краковом. Спустя еще год император Священной Римской империи Карл V разрешает Шлитте набирать мастеров и специалистов для работы на московского великого князя и разрешает снять все препоны на пути торговли с Россией стратегическими материалами и оружием (более того, судя по всему, даже рассматривался вопрос о наборе на русскую службу 5,5-тыс. корпуса наемников, конных и пеших [о миссии Шлитте см., например: 27, с. 7–29; 29, с. 132–148]). Еще через год, в 1549 г., Москва продлевает перемирие с Великим княжеством Литовским. При этом, что любопытно, при обсуждении вопроса о продлении перемирия московские бояре приговорили отложить разрешение литовского вопроса, пока не будут разрешены вопросы казанский и крымский – поворот во внешней политике Русского государства более чем примечательный [19, с. 278, 291–292], ибо со времен Ивана III литовское направление считалось главным. В это же время иранский шах Тахмасп I (с которым турки воевали с 1548 г.) начинает осторожный зондаж на предмет заключения соглашения с Москвой, а турки столь же осторожно начинают прощупывать настроения ногаев.

Стоит ли после этого удивляться, что при активном участии и поддержке Стамбула в Крыму происходит дворцовый переворот, и слишком независимый и стремившийся вести свою игру Сахиб-Гирей был свергнут с престола и убит со всей своей семьей. Новым ханом был провозглашен Девлет-Гирей I, долгое время обретавшийся при султанском дворе. Он получил от Сулеймана I четкие и недвусмысленные указания – «поскольку вы обладаете разнообразными сведениями и познаниями обо всех делах, касающихся этих областей – как Астрахани, так и ногаев и Московии, все связанные с этими землями дела препоручены [нами] вашему ясному разумению». И далее падишах недвусмысленно указывал новопосаженному крымскому «царю»: «Примите все необходимые меры, касающиеся дел в Астрахани, [дабы] враги веры не познали победы, и [эта область] была охраняема и защищена от презренных неверных» [7, с. 103, 104]. Более того, весной 1551 г., сразу после переворота в Крыму, в Ногайской Орде объявился новый османский посол, Ахмед-чауш, и не один, а вместе с крымским и астраханским послами [18, с. 295], причем крымский посол прибыл не с пустыми руками, а с «великими поминками», адресованными ногайскому бию [23, с. 56]. На радостях бий Юсуф поторопился отписать в Москву,

что де прежнего крымского «царя» не стало, а «на его место иной царь учинился. И тот царь с нами в дружбе и в братстве учинился». Брат же Юсуфа и его враг, нурадин Исмаил, добавил к этому, что Ахмед-чауш предложил Юсуфу и ему, Исмаилу, «содиначиться» с турками, крымцами, казанцами и астраханцами и воевать русские земли [18, с. 225, 227–228].

Складывается впечатление, что в Восточной Европе завязалась «Большая игра», и османский султан, наблюдая за изменением ситуации в регионе, счел опасным для себя дальнейшее развитие событий в таком русле и решил вмешаться. Однако, связанный по рукам и ногам проблемами в отношениях с Ираном, Священной Римской Империей и Испанией, он решил прибегнуть к «стратегии непрямых действий». замысел Стамбула заключался в том, чтобы не дать Москве реализовать свои великодержавные планы и стравить ее с татарскими юртами, связав тем самым по рукам и ногам и обезопасив себя от угрозы (уже в который раз) создания антиосманской лиги с участием России и польско-литовского государства. Главную роль в этом плане должен был сыграть Крым, а чтобы прочнее пристегнуть его к своей колеснице, Сулейман решил сменить хана на крымском столе. Новый же «царь», имея перед глазами пример своего предшественника, должен был стать послушным орудием в султанских руках.

Тем временем события вокруг Казани разворачивались самым драматическим образом. Два больших зимних похода, предпринятых против казанцев Иваном IV в 1547/1548 и 1549/1550 гг., не имели успеха. Однако, несмотря на неудачу, решимость русского царя произвела на правящие круги Казани необходимый эффект, тем более что Сафа-Гирей в начале марта 1549 г. скоропостижно скончался. Ожесточенная политическая борьба между сторонниками ориентации на Москву и на Крым закончилась тем, что победила первая «партия», которая и пригласила в Казань вассала московского государя, касимовского «царя» Шах-Али, который прежде уже успел посидеть некоторое время на казанском троне.

Увы, Шах-Али (Шигалей русских летописей) был, судя по отзывам современников (как писал С. Герберштейн, «глубокая ненависть, которую испытывали к нему подданные, усугублялась его безобразным хилым телосложением: у него было огромное брюхо, редкая бородка и женоподобное лицо – свидетельство того, что он совершенно не способен воевать» [6, с. 413]), весьма несимпатичной личностью и так и не смог снискать симпатий казанцев, да и среди русских он также не пользовался уважением и почтением, «понеже велие тело имяше и не могы скоро на конех ездити; розумичен же царь преизлише, – с издевкой писал летописец, – но нехрабр сый на ратех и дружине своей неподатлив...» [14, с. 187]. Так и не сумев побороть оппозицию (не помогла даже резня, устроенная Шах-Али с помощью московских стрельцов его личной охраны среди казанских аристократов), в начале марта 1552 г. незадачливый казанский «царь» бежал из Казани, прихватив с собой в качестве заложников нескольких влиятельных казанских «князей» и мурз.

В Москве восприняли весть о бегстве казанского «царя» спокойно – к этому времени уже шли переговоры с представителями казанской элиты об установлении личной унии двух государств, начатые по инициативе казан-

цев. Эти переговоры, казалось, достигли успеха. «Лутчие» казанские люди, изрядно прореженные Шах-Али, «государеву жалованью радовались» и были готовы «дать правду», присягнуть на верность Ивану IV как своему государю, равно как и «достальные» казанские люди. Остались формальности – и московский наместник, князь С.И. Микулинский со товарищи, уже отправился было к новому месту службы, отпустив вперед себя по их просьбе казанских «князей» Ислама и Кебека вместе с мурзой Алике Нарыковым. Однако, явившись в город, они ошеломили встретивших было их казанцев вестью, что де едущие за ними царские воеводы намерены город разорить, а его жителей всех побить. Новость, сообщенная приехавшими татарскими аристократами, произвела эффект взорвавшейся бомбы, казанские «люди замешались... иные на себя доспех кладут» [16, с. 492]. Попытки Микулинского договориться с казанской элитой не имели успеха – казанские «лутчие люди» не пошли на соглашение. Уния была сорвана, русские воеводы повернули назад, в воздвигнутую годом ранее на непосредственных подступах к Казани крепость Свияжск. С этого момента новая война стала неизбежна.

Почему «лучшие» казанские люди вдруг передумали и отказались довести до конца начатое дело? Ведь соглашение с Москвой не только гарантировало Казани самую широкую автономию (что признавал, к примеру, весьма протатарски настроенный М.Г. Худяков [30, с. 141]), но еще более важно, раз и навсегда снимал угрозу опустошительных московских походов. Вся предыдущая история русско-казанских войн показывала со всей очевидностью уязвимость Казани от русских ударов, а отдельные неудачи русских полков под стенами татарской столицы, казалось, только стимулировали стремление московских государей взять реванш и добиться своего. И можно было не сомневаться в том, что неудачи 1548 и 1550 гг. отнюдь не отвратят молодого Ивана IV и его советников от намерения добиться своей цели и обезопасить себя с казанской стороны.

Если верить русским летописям, то выходит, что причиной казанской перемены стали слухи, распускаемые князьями Исламом, Кебеком и мурзой Алике Нарыковым, что городецкие татары и сам Шах-Али якобы обещали «побить» всех изменивших «царю» казанцев [см., например: 2, с. 170]. Однако возникает вполне закономерный вопрос – на самом деле, мог ли Шах-Али реализовать эти свои намерения, пойти против царской воли и царского слова? И поскольку ответ на этот вопрос будет однозначно отрицательным, то напрашивается предположение, что здесь не обошлось без влияния «третьей силы». Учитывая тесные связи казанской аристократии с ногаями, восторженный прием, который ожидал турецких послов у бия Юсуфа, и активные контакты последнего с эмиссарами нового крымского «царя», есть все основания предположить, что решающую роль в перевороте сыграла ногайская интрига. И если добавить к этому тот факт, что пришедшая к власти в Казани после переворота «партия войны» с Москвой отправила гонцов за помощью к ногаям, и эта помощь была ею получена [2, с. 171, 173], то мозаика окончательно складывается. Мартовский 1552 г. переворот в Казани стал возможен потому, что казанские «князья» и мурзы положились на обещания помощи со

стороны бия Юсуфа (а он в послании Ивану IV похвалялся, что у него одной только «писмянной рати» 300 тыс. человек, не считая войска, которое могли выставить 8 его сыновей [23, с. 73]).

С таким могущественным союзником Москва, казалось, была не страшна, а ведь не стоит забывать еще и о позиции Крыма (за спиной которого стоял Стамбул). В этой связи стоит заметить, что великий князь литовский Сигизмунд II знал о крымских военных приготовлениях весной 1552 г. и в мае разослал пограничным наместникам и старостам предупреждение о том, что крымский хан намерен совершить набег на литовское пограничье [см., например: 33, р. 102]. И в Москве, планируя кампанию 1552 г., исходили из весьма высокой вероятности совместного выступления крымцев и ногаев [см., например: 2, с. 171]. В конечном итоге там было принято следующее решение: «А се приговор царя и великого князя, как ему итти на свое дело и на земское х Казани и как ему дела своего беречи от своего недруга, от крымскаго царя. Самому царю и великому князю, аже даст бог, итти на свое дело и на земское с Москвы на Коломну в первой четверг, заговев Петрова поста, июня 16 день; и пришед ему на Коломну, с людьми збиратися, которым велено быти на Коломне, и ждати из Крыму вести. И будут про царя крымского полные вести, что ему на цареви и великого князя украины не быти, и царю и великому князю, положи упование на бога, итти на свое дело с Коломны х Казани часа того. А не будет вести про крымского царя до Петрова дни, и царю и великому князю, положи упование на бога, итти с Коломны х Казани с Петрова дни; а итти ему с Коломны в Муром, а из Мурома итти полем» [25, с. 135].

Сопоставив все эти сведения, можно с уверенностью предположить, что в старой борьбе «партий», «промосковской» и «прокрымской», в Казани верх одержали сторонники конфронтации, рассчитывая на помощь и поддержку со стороны Ногайской Орды и Крыма. Роковое решение было принято, и разъяренный казанской изменой Иван IV, чьи воинственные настроения подогревались митрополитом Макарием и его сторонниками в церкви и в боярской думе, начал готовиться к 3-му походу на Казань.

Обстановка весной 1552 г. менялась с завидным постоянством, потому что разрядные росписи переписывались, и не раз. К тому же, в отличие от того же Полоцкого или Ливонского походов Ивана Грозного 1577 г., подробной росписи/походного дневника казанской кампании 1552 г. не сохранилось. Однако, опираясь на материалы официального летописания и скудные материалы разрядов, можно реконструировать первоначальную русскую диспозицию кампании 1552 г. и ее последующие перемены.

Прежде всего стоит заметить, что значительные силы были собраны в городе на Свяге – в разрядных книгах отмечалось, что еще в апреле 1551 г. «послал царь и великий князь в Свяжской город на годованье бояр своих и воевод боярина князя Петра Ивановича Шуйсково, боярина Семена Костентиновича Заболоцково, да воевод послал князя Дмитрея Михайловича Жижемсково, Бориса Ивановича Салтыкова, князя Григорья Голову князь Петрова сына Звенигородцково» с детьми боярскими, стрельцами и казаками [см., например: 14, с. 178; 26, с. 407]. Затем, уже в апреле 1552 г., когда стала очевидной невозможность урегулирования казанского кризиса мирным путем, Иван «отпустил»

«воевод в судех на Свягу и велел дела своего беречь и себя государя дожидатца бояр и воевод князя Александра Борисовича Горбатого да князя Петра Ивановича Шуйского и иных воевод». Вместе с ними в Свяжский городок был отправлен также «наряд» (т.е. артиллерийский парк для возможной осады Казани) и припасы [14, с. 178]. Еще один полк (дети боярские и стрельцы) во главе с князем М.В. Глинским и окольным И.М. Умным-Колычевым был отправлен на Каму, а на усиление к ним собирались ратные люди в Вятской и Устюжской землях под началом воевод Паука Заболотского и Г. Сукина [2, с. 172]. Туда же, под Казань, в Муроме собиралась 3-полковая конная рать воевод князей В.С. Серебряного и Д.Ф. Палецкого. Ее должны были составить дети боярские «московских» городов (т.е. главным образом служилых корпораций уездов к востоку от Москвы). Одним словом, против Казани готовилась выступить едва ли не половина (а то и более) ратных людей, которыми располагал молодой русский царь. Сам же Иван со своим двором, выборными (т.е. лучшими) детьми боярскими и ратниками «далних городов, Новагорода Великого и других городов» (очевидно, что в данном случае речь шла о детях боярских северо-западных городов, «силе тверской и новгородской»), готовился выступить на «берег» [2, с. 180; 14, с. 178]. Здесь, в Коломне, развертывалась 5-полковая рать во главе с воеводами князьями И.Ф. Мстиславским и М.И. Воротынским и под Калугой 3-полковая с воеводой князем Ю.И. Темкиным-Ростовским (не считая, конечно, воевод с гарнизонами в «украинных» городах – Туле, Пронске, Мценске и других) [26, с. 413–414]. В Поле снова были посланы сторожи и заставы, а воеводы украинских городов получили соответствующие предупреждения и указы «доведыватися про крымского царя полных вестей» [1, с. 485].

Однако эта роспись, судя по всему, просуществовала недолго (до 21-го мая 1552? В «Летописце начала царства» сообщение о новом «розрядстве воеводском» стоит после сообщения о послании митрополита Макария Ивану, датированном 21-м мая [13, с. 78]). 19 мая в Путивль из Черкас прибыл гонец, Труфан Тинков, который сообщил тамошнему воеводе князю Ф.И. Кашину, что крымский «царь», по словам литовского черкасского наместника-державца Ивана Хрщоновича, выступил в поход, но куда – пока неизвестно [1, с. 222]. Кстати, хан жаловался позднее Сигизмунду II Августу на черкасского державцу, что тот послал своего человека к «московскому», которого человека его сторожи и поймали [11, с. 63].

Эта весть вызвала перемены в росписи полков. Вскоре муромская рать была расписана на три полка. Точно так же заново была расписана и государева рать, с которой он должен был собраться в Коломне – а оттуда, по ситуации, или к Казани, или на «прямое дело» с крымским «царем». Теперь коломенская рать включала в себя обычные пять полков, которые должны были выдвинуться на «берег» и надежно перекрыть важнейшие «перелазы» через Оку – Большой под водительством князей И.Ф. Мстиславского и М.И. Воротынского, Передовой полк князей И.И. Проннского Д.И. Хилкова, полк Правой руки во главе с князьями П.М. Щенятева и А.М. Курбского, полкилевой руки (воеводы князь Д.И. Микулинский и Д.М. Плещеев) и Сто-

рожевой (князя Д.И. Немой-Оболенский и М.И. Вороной-Волынский), ну и, само собой, государев полк [25, с. 135–136].

Эта рать насчитывала, по нашим подсчетам, без учета двора удельного князя Владимира Андреевича Старицкого и митрополичих людей (?), не более 15–16 тыс. конных ратных людей (снова – без учета обозных, пеших, и, возможно, некоторого количества стрельцов и казаков, посаженных на-конь для увеличения скорости передвижения). И, в таком случае, Иван Грозный не так уж и был неправ, когда писал Курбскому в ответе на первое послание князя, что с ним тогда было «пятнадцать тысяч» [22, с. 47].

Из летописей и разрядных записей не совсем ясно, где изначально собиралась рать «противу крымского царя». Однако логичным было бы предположить, что Государев полк все же съезжался на Москве, чтобы оттуда во главе с самим царем идти на Коломну или в иное другое место на «берегу» навстречу хану, а вот дети боярские «далних городов» должны были собираться в городах по Оке согласно расписанию. Большой полк собирался на Коломне (во всяком случае, часть его во главе с князем М.И. Воротыньским стояла в начале июня 1552 г. в Колычево – большом селе под Коломной, а ныне это городской район), под Ростиславлем, заброшенным городищем на Оке (там, куда приходил в 1541 г. предыдущий крымский «царь» Сахиб-Гирей) разместился Передовой полк. Полк же Правой руки разбил свои шатры и палатки под Каширой [13, с. 83].

16-го июня 1552 г., «в четверток первья недели петрова поста», простившись с царицей, помолвившись в Успенском соборе и получив благословление у митрополита Макария, Иван IV всел на коня и во главе своего двора двинулся сперва в село свое Коломенское, где сделал первый привал. Оттуда царь двинулся в другое село, Остров, где предполагалось встать на ночлег.

Но по пути туда царские планы поменялись. По пути в Остров «пригонял ис Путимля станичник Ивашко Стрелник от Адары от Волжец (надо полагать, станичный голова – *В.П., Т.П.*), а сказывает, что иду многие люди Крымские к украине государевое, а того неведомо, царь ли или царевич, а уже Донец Северецкой перелезли...» [13, с. 80]. Новость, что и говорить, была тревожная, но ожидаемая, и Иван решил не останавливаться в Острове, а свернул прямо на Коломну, отписав своему двоюродному брату, с которым собирался встретиться в Острове, чтобы тот со своим двором следовал за ним [13, с. 80].

19 июня 1552 г., в воскресенье, Иван прибыл в Коломну. Здесь его уже ждал станичный атаман Айдар Волжин (тот самый, от которого накануне прискакал гонец – *В.П.*), который сообщил государю, что «идут многие люди Крымские, а чают их на Резань и х Коломне, а иные украинны государевы проходят». Однако кто был во главе надвигающегося татарского «смерча», сам ли «царь» Девлет-Гирей или же кто-либо из его сыновей – пока оставалось неведомо [14, с. 187]. Взять «языков» и допросить их с пристрастием у станичников все никак не получалось.

Тревожные вести, доставленные с Поля, привели в действие колеса московской военной машины. На военном совете было принято решение разослать собравшиеся полки к месту главных «перелазов» через Оку с тем, что-

бы неприятель не подступил к ним внезапно и не переправился прежде, чем его встретят русские ратники. Большой полк оставался под Коломной, в лагере под селом Колычево, Передовой полк двинулся на Ростиславль, а полк Левой руки – на Голутвино [16, с. 502]. Сам же Иван отдал распоряжение «в своем полку воеводам, бояром своим князю Володимеру Ивановичю и Ивану, да рассмотрят в его полку всех воинов да велят приготовиться на брань». Аналогичный наказ провести смотр своих ратников и готовиться к походу и к бою был передан князю И.Ф. Мстиславскому со товарищи и воеводам Сторожевского полка. Тогда же ратным было направлено царское слово с обещанием царского же жалования и с ободрением [13, с. 82].

Отдав эти распоряжения, Иван поехал с братом и с немногочисленной, но блестящей свитой, к Оке на рекогносцировку, «разсмотрити» «место, да како совокупити воя и сотворити ополченная противу безбожных». Вернувшись в Коломну, Иван принял воевод, отчитавшихся ему по итогам проведенного смотра, и отправил челобитье митрополиту Макарию, в котором писал, что он и его воинство, собравшись на Коломне, ждут неприятеля, надвигающегося на Русскую землю, и готовы встретить незваных гостей достойно. Митрополит же и епископы, и все освященный собор, писал Иван, должны молить Бога и Пречистую Богородицу, чтобы милосердный Господь «вашими святыми молитвами не помянул нашего согрешения пред собою, не предал бы нас иноплеменникам, дал бы нам бог мужество и храбрость и целомудрие и единосогласие всем православным...» [13, с. 82].

Спустя пару дней, 21 июня, «пригонил ко государю гонец из Тулы» с новыми вестями о неприятеля. По его словам, татары объявились под Тулой и подступили к самому городу, «а чают царевича и не со многими людьми» [13, с. 83]. Туман войны начал постепенно рассеиваться, и Иван с боярами приговорил отправить навстречу неприятелю полк Правой руки из Каширы, Передовой полк с Ростиславля и половину Большого полка во главе с воеводой князем М.И. Воротыньским из-под Колычево. Сам же государь с остальными силами начал готовиться к выступлению на утро следующего дня [13, с. 83]. Вечером того же дня из Тулы прискакал еще один вестник, который сообщил, что де «пришли немногие люди (крымцы – *В.П.*) семь тысяч, воевав да поворотили». Обеспокоенный Иван послал к отправленным на помощь тулянам воеводам наказ «наспех ийти» и его, Ивана, извещать обо всех новостях о неприятеле и его перемещениях, «наперед себя посылати доведыватися, многие ли люди и мочно ли их дойти» [13, с. 83].

Утром в четверг 23 июня «государю за столом сидящу» «пригонил» от тульского воеводы князя Григория Темкина новый гонец с вестью, «что царь пришел и приступает к Туле, а иные многие люди воюют, а наряд с ним многи и многи янычене Турского...» [13, с. 83]. Это известие было, что и говорить, весьма тревожное. Если накануне еще и оставались надежды, что дело обойдется малой кровью – царевич же не со многими людьми пришел, не сам царь, то теперь эти надежды рассеялись. Под Тулу явился сам крымский «царь» «в силе тяжце», со всеми своими людьми, со своим двором и «гвардией» и с артиллерией-нарядом (уже упоминавшийся прежде Труфан Тинков

сообщал, что хан взял с собой в поход 18 артиллерийских орудий [1, с. 222]), и вдобавок еще с помочными «турскими енычанами» (скорее всего, тут речь в первую очередь шла о набранных из числа христиан-подданных султана, готов и греков прежде всего, живших на южном берегу Крыма, пехотинцах [см., например: 7, с. 124], и лишь отчасти от сопровождавших хана в качестве почетного эскорта а при необходимости – и конвоя, султанских янычарах и аркебузировах из гарнизонов турецких крепостей южного же берега Крыма). Значительность прибывших с «царем» сил подтверждало и известие о том, что лишь часть татар осаждала город, тогда как большинство их рассеялось по тульской округе, занявшись грабежом, захватом пленников и поджогами.

Но вернемся обратно в утро 23 июня. Узнав о появлении под Тулой главных сил татарского войска во главе с самим ханом, Иван, не закончив трапезовать, отправился в церковь, как и подобает благочестивому православному царю, наказав перед этим воеводам Государева полка собирать войска на смотр перед выступлением в поход. Князь же И.Ф. Мстиславский и воеводы полка Левоу руки получили от него наказ «перед собою спешити и реку Оку возитися» [13, с. 83]. Помолившись же, Иван и его свита всели на конь и поспешили к месту сбора Государева полка. «И собрася полк великого государя столь множество, но и поля Коломенские их не вмещаху, – с гордостью за православного царя и его воинство писал летописец, – бывые же со государем многие люди, которые во многих ратех бывали и множество людеи видали, а столь величеству полка не видали» [13, с. 83].

После смотра Иван во главе своего войска выступил в поход. К вечеру того же дня он был уже под Каширой, где для него и его людей уже подготовили переправу – незадолго до этого через реку уже переправились князь Мстиславский со товарищи и ждали государя на другом, правом берегу реки. И в это самое время прибыл новый гонец, Григорий Сухотин, из-под Тулы со свежими вестями. В своей «отписке» князь Темкин сообщал государю, как было дело. Оказывается, что действительно, в эти дни под Тулу «приходил царь Крымской Девлет-Киреи и з сыном с своим, а с ним все Крымцы и Турского многие люди, Турки и янычене, и воиско с ними было великое». Наперед себя «царь» прислал «изгоном» 7 тыс. всадников, однако у них не вышло неожиданно атаковать Тулу, и, обнаружив неприятеля, Темкин послал во вторник 21-го июня весть в Коломну о том, что де пришли неприятели в малом числе. Однако рано утром («в первом часу дни») 22-го июня к Туле подступил с главными силами своей рати сам Девлет-Гирей «да приступал день весь и из пушек бил по городу и вогненными ядрами и стрелами стрелял на город и во многих местех дворы в городе загорелися (грамотное решение – каким бы устаревшим замком не была Тула, тем не менее, ее кирпичные стены и башни представляли серьезное препятствие для легкой татарской артиллерии. А вот учинить в городе-крепости пожары, отвлечь на их тушение людей со стен – совсем другое дело, вполне достижимое и достаточно эффективное – В.П., Т.П.)...» [13, с. 83].

Многочисленные пожары в Туле стали сигналом к началу общего штурма города – хан послал на приступ свою пехоту. И хотя ее было немного (по опыту этого и других, последующих походов Сахиб-Гирея и самого Девлет-

Гирея [см., например: 32, р. 459–460], вряд ли больше тысячи – *В.П., Т.П.*), тем не менее, по словам Темкина, штурм удалось отразить только чудом – благодаря всеобщей молитве Господу и Пречистой Богородице и великими чудотворцам. Но если отставить эту ритуальную фразу в сторону, то из послания князя ясно, почему туляне были вынуждены надеяться на чудо – хан «безвестно пришел к Туле, уже был прошел Тульские украинны и люди были воинские поехали к государю». Выходит, что на Туле не ждали татар – разведка донесла, что неприятель уже миновал тульские пределы и двигался (как мы видели выше из донесений станичников) к Коломне, а затем вдруг повернул обратно и неожиданно оказался под стенами тульского кремля.

Отбитый 22 июня штурм не охладил пыла Девлет-Гирея. Из воеводской отписки следовало, что «на утро же в четверг хотяше нечестивый хотение свое совершити, видя люди немногие во граде веляше ко граду приступати с пушками и пищальми». Однако, как следовало из воеводского сообщения, в этот момент, когда татары возобновили обстрел города и готовились снова идти на приступ, в город пришла весть, что на помощь идут государевы воеводы, а вестники со стен сообщили, что да, действительно, на горизонте показали облака пыли, «возходящу до небеса, от великого князя люди» [13, с. 84].

Ободренные этой вестью, туляне «устремишася вси на безбожных и изидоша из града не токмо воеводы и воины и вси мужи и жены, восприимше мужескую храбрость, и молодые дети, и многих Татар под градом побил, и царева шурина убиша князя Камьбирдея и наряд пушешной, ядра и стрелы и зелие многое на разорение градное привезено взяша православнии» [13, с. 84]. Правда, сам Григорий Сухотин заявил, что когда Темкин послал его к государю, воеводы до города еще не дошли, и он встретил их на марше – но не тех, которых отправил Иван, а пронского воеводу князя Михаила Репнина и михайловского Федора Салтыкова с немногими людьми.

Вести, привезенные Сухотиным, сняли растущее час от часу напряжение. Иван приказал разбить под Каширой бивуак, переночевать, а с утра 24 июня двинуться в «дальний поход» в погоню за крымским «царем». Однако утром к царю прибыл гонец, Бебех Глебов, от посланных накануне на помощь тулянам воевод. Он доставил воеводскую «отписку», которая как будто стала последним кусочком мозаики. Согласно «отписке» выходило, что Девлет-Гирей ушел от Тулы за три часа до прибытия к месту событий воевод Большого, Правой руки и Передового полков, не предупредив своих людей, которые были ранее разосланы «в загонех» разорять тульские окрестности. Таких татар было, по свидетельству князя А. Курбского, треть от всего татарского воинства [12, с. 30]. «И воеводы божиим милосердием и государевым счастьем – сообщал дальше Бебех, – побил многих людей и многих живых поимали и полон многи отполонили» [13, с. 84]. Курбский, вспоминая впоследствии об этих событиях, писал, что русские воеводы, выйдя утром 23 июня к Туле и разбив бивуак на месте ханского лагеря, вскоре столкнулись с возвращающимися с охоты татарскими загонами. Для последних, не ожидавших увидеть русских, вид изготовившихся к битве русских полков оказался неприятным сюрпризом. Однако командовавший татарами Ак-Мухаммед-улан

не растерялся и вступил в бой, который длился полтора часа и окончился победой русских. Правда, потом в своем послании Курбскому Иван Грозный писал, что воеводы, вместо того, чтобы добить неприятеля, «поехасте ясти и пити к воеводе нашему, ко князю Григорию Темкину, и едчи пойдосте за ними, они же от вас отъидоша здравы» [22, с. 56]. Выходит, что опрокинув немногочисленных татарских застрельщиков, воеводы посчитали дело выполненным и, отправив за бегущими неприятелями «резвых людей», сами с чувством исполненного долга отправились праздновать вместе с Темкиным снятие осады и чудесное спасение Тулы.

Так или иначе, но бежавшие от Тулы татары нагнали ушедшего вперед хана на реке Шиворони и сообщили ему о приближении главных сил царского воинства. Стремясь как можно скорее оторваться от новой угрозы, «царь побежал, телеги пометал и вельбуды многие порезал, а иные живы пометал» [13, с. 84].

Взятые «языки» на допросе с пытки показали, что их «царь» пошел было на Русь, рассчитывая, что Иван IV со своим войском отправился на Казань, однако на пути к Рязани татарам удалось взять в плен нескольких станичников, которые показали, что де «велики государь на Коломне, а ждет царя, а хочет с ним за православие прямое дело делати». Узнав об этом, хан повернул было назад, но его советники отговорили от такого решения, заявив (надо полагать, отражая мнение немалой части татарского войска, выступившего в поход в расчете на богатую добычу), что де «есть у великого князя град Тула на Поле, а от Коломны за великими крепостьми и лесы и далеко от Коломны, и ты учинишь тому, что и в Литве Бряславлю...» [13, с. 84]. Но, как показали дальнейшие события, расчеты и хана, и его советников не оправдались. Тула устояла, а известия, принесенные татарскими сторожами о том, что сам Иван идет на помощь осажденным, побудили хана снять осаду и отступить. При этом, если верить воспоминаниям Курбского, переправляясь через три реки, «дела (пушки – *В.П.*, *Т.П.*) некоторые и кули (ядра – *В.П.*, *Т.П.*) потопил, и порохов и верблюдов отбеже...» [12, с. 30].

Пленные также рассказали о том, что хан намерен явиться на Северщину и под Путивль (почему Иван IV поспешил оповестить о том путивльского воеводу и его товарищей). И еще они поведали, что на своем пути к Оке хан оставил свой кош с людьми, которые «истомные собою и конми», на тульской украине, на Ишине реке (на Кшени?) между Донцом и Осколом [1, с. 223]. 27 июня 1552 г. Иван наказывал путивльскому воеводе, что по его указанию в Поле сыскивать тех «остальных» татарских людей и кош были посланы многие воеводы и головы, и что Кашину и его товарищам должно было с теми воеводами и головами обослаться и, соединившись, «дела нашего беречи, сколко вам Бог поможет», особенно на тот случай, если хан действительно решит взять реванш за тульскую неудачу и пойдет на Путивль. Сам же царь, говорилось в наказе, стоит на Кашире и ждет от посланных в Поле воевод вестей, равно как и другие украинные воеводы [1, с. 224–225].

Однако все эти предосторожности не понадобились. 30 июня посланные вдогонку за ханом воеводы донесли царю, что, по словам станичников, «царь (Девлет-Гирей – *В.П.*, *Т.П.*) пошел невозвратным путем» и «великим спехом

идет, верст по 60 и по 70 на день, и коней мечет много...» [13, с. 85]. Теперь окончательно стало ясно – набег хана отбит, новой угрозы с юга ожидать не стоит, и можно вернуться ко второй части намеченного еще весной плана – к походу на Казань. На военном совете было решено часть войска отправить Подем на Рязань и на Мещеру, а оттуда к Алатырю, за которым и намечалась встреча с остальной частью рати, возглавляемой самим царем. Иван же должен был выступить на Муром через Владимир, а оттуда к Алатырю, оставив часть войска («истомных людей») на Коломне (на всякий случай).

Девлет-Гирей же, вернувшись из похода, поспешил отрапортовать своему повелителю, султану Сулейману I, что он де во исполнение султанского повеления «совершил поход на страну презренных неверных московитов и, одолев проклятых неверных – благодарение Аллаху Всеславному и Всевышнему! – благополучно, с радостью и добычей вернулся обратно» [7, с. 117]. Похвалился своей победой Девлет-Гирей и Сигизмунду-Августу. В послании к нему он писал, что он не дошел до Москвы, как планировал первоначально, но все же «Тулу замок взял, Одовье место выпалил и промежку тых двух замьков которие села были уси есьми тые собрал, якож полон великий о пятьдесят тисеч полону войску моему досталось». И такую великую добычу ясырем и всякими животами взял он и его люди, что старые татары сказывали хану – его дядя, великий Мухаммед-Гирей, победитель Василия III, не взял в 1521 г. [11, с. 63].

Победная реляция крымского «царя» была, похоже, попыткой сохранить хорошую мину при плохой игре. Его первый поход на Русь завершился, т.о., полной неудачей. И вряд ли стоит сетовать на то, что, как писал В.П. Загоровский, «через Поле, через территорию современного Центрального Черноземья татарская армия с пушками и огромным обозом прошла беспрепятственно...» и что «русские войска не помешали Девлет-Гирею пройти через Поле и при отступлении татар в Крым...» [8, с. 113]. В кампанию 1552 г. «берег» был второстепенным ТВД, главная цель всех военных усилий Москвы в этом году – Казань, и необходимо было сохранить силы для того, чтобы довести до конца начатое казанское дело. Организация же выхода большого войска в Поле требовала больших усилий и при отсутствии опыта могла привести к серьезной неудаче, если не к катастрофе и невозможности раз и навсегда разрешить казанский вопрос. Поэтому решение Ивана и его воевод не пытаться встретить неприятеля в Поле и не «проводить» его в Крым надо признать на тот момент оптимальным – вряд ли в тех условиях был иной, лучший вариант в начавшейся «Войне двух царей».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акты служилых землевладельцев. Т. IV. М.: Древлехранилище, 2008. 632 с.
2. Александро-Невская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. XXIX. М.: Знак, 2009. С. 117–223.
3. *Анхимюк Ю.В.* Частные разрядные книги с записями за последнюю четверть XV – начало XVII веков. М.: Древлехранилище, 2005. 464 с.

4. *Виноградов А.В.* Крымские ханы в XVI веке // Отечественная история. 1999. № 2. С. 58–69.
5. *Виноградов А.В.* Русско-крымские отношения. 50-е – вторая половина 70-х годов XVI века. Т.т. 1–2. М.: ИРИ РАН РФ, 2007. 198+342 с.
6. *Герберштейн С.* Записки о Московии. Т. I М.: Памятники исторической мысли, 2008. 776 с.
7. Документы по истории Волго-Уральского региона XVI–XIX веков из древлехранилищ Турции. Казань: Гасыр, 2008. 464 с.
8. *Загоровский В.П.* История вхождения Центрального Черноземья в состав Русского государства в XVI в. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1991. 272 с.
9. Иоасафовская летопись. М.: Изд-во АН СССР, 1957. 240 с.
10. История о Казанском царстве (Казанский летописец) // Полное собрание русских летописей. Т. XIX. М.: Языки русской культуры, 2000. 328 с.
11. Книга посольская Метрики Великого княжества Литовского, содержащая в себе дипломатические сношения Литвы в государство короля Сигизмунда-Августа (с 1545 по 1572 год). М.: Университетская типография, 1843. 503 с.
12. *Курбский А.М.* История о делах великого князя московского. М.: Наука, 2015. 943 с.;
13. Летописец начала царства царя и великого князя Ивана Васильевича // Полное собрание русских летописей. Т. XXIX. М.: Знак, 2009. С. 9–117.
14. Летописный сборник, именуемый патриаршей или Никоновской летописью // Полное собрание русских летописей. Т. XIII. М.: Языки русской культуры. 2000. 544 с.;
15. Лист от цара татарского Менъдли Кгирея до панов рад и всихъ русских людей о Киевъ и иньши замъки // *Lietuvos metrika (1506–1539)*. Kn. 7. Vilnius: Mokslo ir enciklopedijų leidykla, 2011, pp. 90–91.
16. Львовская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. XX. М.: Языки славянских культур, 2005. 704 с.
17. *Некрасов А.М.* Международные отношения и народы Западного Кавказа (последняя четверть XV – первая половина XVI в.). М.: Наука, 1990. 128 с.
18. *Новиков Н.* Продолжение Древней Российской вивлиофики. Ч. VIII. СПб.: Императорская Академия наук, 1793. 335 с.
19. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским. Т. II (1533–1560 г.) // Сборник Императорского Русского Исторического Общества. Т. 59. СПб., 1887. 690 с.
20. *Пенской В.В.* Иван Грозный и Девлет-Гирей. М.: Вече, 2016. 320 с.
21. *Пинк И.Б.* Осада Тулы крымским ханом Девлет-Гиреем в 1552 г. // *Para Bellum*. 2004. № 2(24). С. 69–84.
22. Послания Ивана Грозного. СПб.: Наука, 2005. 718 с.
23. Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой (1551–1561 гг.). 2006. Казань: Татарское книжное издательство, 2006. 391 с.
24. Разрядная книга 1550–1636 гг. Т. I. М.: Институт истории СССР АН СССР, 1975. 357 с.
25. Разрядная книга 1475–1598. М.: Наука, 1966. 613 с.;
26. Разрядная книга 1475–1605. Т. I. Ч. III. М.: Институт истории СССР АН СССР, 1978. 111 с.
27. *Русаковский О.В.* Ганс Шлитте и наём немецких воинов на русскую службу в 1547–1548 гг. // Русский сборник. Исследования по истории России Вып. XXIV. Московия в свидетельствах иностранцев. М.: Модест Колеров. С. 7–29.
28. *Филошкин А.И.* Грамоты новгородского архиепископа Феодосия, посвященные «Казанскому взятию» // Герменевтика древнерусской литературы. Сборник 10. М.: ИМЛИ РАН, «Наследие», 2000. С. 327–346.

29. [Фречнер Р.] «Дело Шлитте» // Герберштейн С. Записки о Московии. Т. 2. М.: Памятники исторической мысли, 2008. С. 132–148.
30. Худяков М.Г. Очерки по истории Казанского ханства. М.: Инсан, 1991. 320 с.
31. Шапошник В.В. Церковно-государственные отношения в России в 30–80-е годы XVI века. СПб.: Изд-во С.-Петербургского университета, 2006. 569 с.
32. Inalchik H. The Khan and the Tribal Aristocracy: The Crimean Khanate under Sa-hib Giray I // Harvard Ukrainian Studies. Vol. III–IV. Part I. 1979–1980. P. 445–466.
33. Lietuvos metrika (1552–1561). Kn. 37. Vilnius: Mokslo ir enciklopedijų leidykla, 2011. 631 p.

Сведения об авторах: Виталий Викторович Пенской – доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права Юридического института Белгородского государственного национального исследовательского университета (308015, ул. Победы, 85, Белгород, Российская Федерация). E-mail: penskoy@bsu.edu.ru

Татьяна Михайловна Пенская – кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Юридического института Белгородского государственного национального исследовательского университета (308015, ул. Победы, 85, Белгород, Российская Федерация). E-mail: penskaya@bsu.edu.ru

Поступила 19.07.2019 Принята к публикации 29.08.2019
Опубликована 29.09.2019

REFERENCES

1. *Akty sluzhilykh zemlevladel'tsev* [Acts of Service Landowners]. Vol. IV. Moscow: Drevlekhranilishche, 2008. 632 p. (In Russian)
2. *Aleksandro-Nevskaya letopis'* [Aleksandro-Nevskaya chronicle]. *Polnoe sobranie russkikh letopisei* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. XXIX. Moscow: Znack, 2009, pp. 117–223. (In Russian)
3. Ankhimiyuk Yu.V. *Chastnye razryadnye knigi s zapisyami za poslednyuyu chetvert' XV – nachalo XVII vekov* [Private Razryad Books with Entries for the last quarter of the 15th – beginning of the 17th centuries]. Moscow: Drevlekhranilishche, 2005. 464 p. (In Russian)
4. Vinogradov A.V. *Krymskie khany v XVI veke* [The Crimean Khans in the sixteenth century]. *Otechestvennaya istoriya* [National History]. 1999, no. 2, pp. 58–69. (In Russian)
5. Vinogradov A.V. *Russko-krymskie otnosheniya. 50-e – vtoraya polovina 70-kh godov XVI veka* [The Russian-Crimean Relations of the 1550s – the second half of the 1570s]. Vol. 1–2. Moscow: The Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, 2007. 198+342 p. (In Russian)
6. Herberstein S. *Zapiski o Moskovii* [Notes about “Muscovy”]. Vol. I. Moscow: Pamyatniki istoricheskoy mysli, 2008. 776 p. (In Russian)
7. *Dokumenty po istorii Volgo-Ural'skogo regiona XVI–XIX vekov iz drevlekhranilishch Turtsii* [Documents on the History of the Volga-Ural Region of the 16th–19th centuries from the Archives of Turkey]. Kazan: Gasyr, 2008. 464 p. (In Russian)
8. Zagorovskiy V.P. *Istoriya vkhozheniya Tsentral'nogo Chernozem'ya v sostav Russkogo gosudarstva v XVI v* [The History of the Entry of the Central Chernozem Region

into the Russian State in the sixteenth century]. Voronezh: Voronezh State University Publ., 1991. 272 p. (In Russian)

9. *Ioasafovskaya letopis'* [Ioasaf's Chronicle]. Moscow: Akademiya nauk SSSR Publ., 1957. 240 p. (In Russian)

10. Istoriya o Kazanskom tsarstve (Kazanskiy letopisets) [The Story of the Kingdom of Kazan (Kazan Chronicler)]. *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. XIX. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury, 2000. 328 p. (In Russian)

11. *Kniga posol'skaya Metriki Velikogo knyazhestva Litovskogo, sodержashchaya v sebe diplomaticheskie snosheniya Lity v gosudarstvovanie korolya Sigismunda-Avgusta (s 1545 po 1572 god)* [The Ambassadorial Book of the Metrics of the Grand Duchy of Lithuania Containing Lithuanian Diplomatic Relations during the Rule of the King Sigismund-Augustus (from 1545 to 1572)]. Moscow: Universitetskaya tipografiya, 1843. 503 p. (In Russian)

12. Kurbskiy A.M. *Istoriya o delakh velikogo knyazya moskovskogo* [The Story of the Affairs of the Grand Duke of Moscow]. Moscow: Nauka Publ., 2015. 943 p. (In Russian)

13. Letopisets nachala tsarstva tsarya i velikogo knyazya Ivana Vasil'evicha [Chronicler of the Early Rule of the Tsar and Grand Duke Ivan Vasilyevich]. *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. XXIX. Moscow: Znak, 2009, pp. 9–117. (In Russian)

14. Letopisnyy sbornik, imenuemyy patriarshey ili Nikonovskoy letopis'yu [Chronicle Collection Called the Patriarchal or Nikon's Chronicle]. *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. XIII. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury. 2000. 544 p. (In Russian)

15. List ot tsara tatarskogo Men"dli Kgireya do panov rad i vsikh" russkikh lyudey o Kiev" i in'shi zam"ki [Letter from the Tatar Tsar Mengli Giray to the Lords of the Council and All Russian People in Kiev and Other Castles]. *Lietuvos metrika (1506–1539)* [Lietuvos metrika (1506–1539)]. Book 7. Vilnius: Mokslo ir enciklopedijų leidykla, 2011, pp. 90–91. (In Russian)

16. L'vovskaya letopis' [Lvov's chronicle]. *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. XX. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2005. 704 p. (In Russian)

17. Nekrasov A.M. *Mezhdunarodnye otnosheniya i narody Zapadnogo Kavkaza (poslednyaya chetvert' XV – pervaya polovina XVI v.)* [International Relations and Peoples of the Western Caucasus (the last quarter of the 15th – the first half of the 16th century)]. Moscow: Nauka Publ., 1990. 128 p.

18. Novikov N. *Prodolzhenie Drevney Rossiyskoy vivliofiki* [The Continuation of the Ancient Russian Vivliofika]. Pt. VIII. St. Petersburg: Imperatorskaya Akademiya nauk, 1793. 335 p. (In Russian)

19. Pamyatniki diplomaticheskikh snosheniy Moskovskogo gosudarstva s Pol'sko-Litovskim. Vol. II (1533–1560 g.) [Monuments of Diplomatic Relations of the Moscow State with the Polish-Lithuanian State. Vol. II (1533–1560)]. *Sbornik Imperatorskogo Russkogo Istoricheskogo Obshhestva* [Collection of the Imperial Russian Historical Society. Vol. 59]. St. Petersburg, 1887. 690 p. (In Russian)

20. Penskoj V.V. *Ivan Groznyy i Devlet-Girey* [Ivan the Terrible and Devlet Giray]. Moscow: Veche, 2016. 320 p. (In Russian)

21. Pink I.B. *Osada Tuly krymskim khanom Devlet-Gireem v 1552 g.* [The Siege of Tula by the Crimean Khan Devlet Giray in 1552]. *Para Bellum*. 2004, no. 2(24), pp. 69–84. (In Russian)

22. *Poslaniya Ivana Groznogo* [Letters of Ivan the Terrible]. St. Petersburg: Nauka, 2005. 718 p. (In Russian)

23. *Posol'skie knigi po svyazyam Rossii s Nogayskoy Ordoy (1551–1561 gg.)* [Ambassadorial Books on the Relations of Russia with the Nogai Horde (1551–1561)]. Kazan: Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo, 2006. 391 p. (In Russian)

24. *Razryadnaya kniga 1550–1636 gg.* [Razryad Book of 1550–1636] Vol. I. Moscow: Institut istorii SSSR Akademiya nauk SSSR, 1975. 357 p. (In Russian)

25. *Razryadnaya kniga 1475–1598 gg.* [Razryad Book of 1475–1598]. Moscow: Nauka Publ., 1966. 613 p. (In Russian)

26. *Razryadnaya kniga 1475–1605 gg.* [Razryad Book of 1475–1605]. Vol. I. Pt. III. Moscow: Institut istorii SSSR Akademiya nauk SSSR, 1978. 111 p. (In Russian)

27. Ruskovskiy O.V. Gans Shlitte i naem nemetskikh voynov na russkuyu sluzhbu v 1547–1548 gg. [Hans Schlitte and the Hiring of German Soldiers to the Russian Service in 1547–1548]. *Russkiy sbornik. Issledovaniya po istorii Rossii. Moskoviya v svidetel'stvakh inozemtsev* [Russian Collection. Studies on the History of Russia. “Muscovy” in the Testimonies of Foreigners]. Vol. XXIV. Moscow: Modest Kolerov, pp. 7–29. (In Russian)

28. Filyushkin A.I. Gramoty novgorodskogo arkhiepiskopa Feodosiya, posvyashchennye «Kazanskomu vzyatiyu» [Letters of the Novgorod Archbishop Theodosius Dedicated to the “Kazan Capture”]. *Germenevtika drevnerusskoy literatury* [Hermeneutics of Old Russian Literature]. Vol. 10. Moscow: IMLI RAN, “Nasledie”, 2000, pp. 327–346. (In Russian)

29. [Frechner R.] «Delo Shlitte» [Case of Shlitte]. Herberstein S. *Zapiski o Moskovii* [Notes about “Muscovy”]. Vol. 2. Moscow: Pamyatniki istoricheskoy mysli, 2008, pp. 132–148. (In Russian)

30. Khudyakov M.G. *Ocherki po istorii Kazanskogo khanstva* [Essays on the History of the Kazan Khanate]. Moscow: Insan Publ., 1991. 320 p. (In Russian)

31. Shaposhnik V.V. *Tserkovno-gosudarstvennyye otnosheniya v Rossii v 30–80-e gody XVI veka* [The Church-State Relations in Russia in the 1530s–1580s]. St. Petersburg: St. Petersburg State University Publ., 2006. 569 p. (In Russian)

32. Inalchik H. The Khan and the Tribal Aristocracy: The Crimean Khanate under Sahib Giray I. *Harvard Ukrainian Studies*. Vol. III–IV. Part I. 1979–1980, pp. 445–466.

33. *Lietuvos metrika (1552–1561)*. Kn. 37. Vilnius: Mokslo ir enciklopedijų leidykla, 2011. 631 p. (In Old Russian)

About the authors: Vitaly V. Penskoj – Dr. Sci. (History), Professor of the Department of Theory and History of State and Law, Law Institute, Belgorod State National Research University (85, Pobeda Str., Belgorod 308012, Russian Federation). E-mail: penskoj@bsu.edu.ru

Tatyana M. Penskaya – Cand. Sci. (History), Assistant Professor of the Department of Theory and History of State and Law, Law Institute, Belgorod State National Research University (85, Pobeda Str., Belgorod 308012, Russian Federation). E-mail: penskaya@bsu.edu.ru

*Received July 19, 2019 Accepted for publication August 29, 2019
Published September 29, 2019*